

трудом добившейся, как показывают документы, причисления к потомственному дворянству. Двойные же фамилии типа Миклухо-Маклай были характерны для многих известных польско-украинских дворянских родов (Грум-Гржимайло, Доливо-Добровольский и др.). В дальнейшем, став видным путешественником и исследователем, Николай в Западной Европе, преимущественно в Великобритании и Франции, а также в голландских и английских колониях, включая Австралию, именовал себя только Маклаем, намекая на свои якобы шотландские корни.

Д.Н. Худоназаров

ГРАФ

Жил человек на Руси, был он добрым и трудолюбивым, каждое дело доводил до конца, старался, чтобы плод его труда был высокого качества. Он был очень образован, говорил на нескольких языках, любил путешествовать, изучать нравы и культуру других народов, особенно тех, кто сохранил пласты своей древней культуры и свою самобытность. Он писал о них книги с такой же любовью, как те, которые посвящал изучению русского народного искусства. Сравнивая одно с другим, он пытался восстановить потерянные страницы давней истории своего народа, соединить разрозненные осколки человеческого бытия на Земле. Книги эти, как и любой другой его труд, несли особый отпечаток добротности. Он был очень скромным человеком, во всем видел не себя, а дело и цель, которая его увлекала. Он был богатым и щедрым, помогал другим. А потом случилась революция, и он сразу, в одночасье, потерял все, и Родину тоже. На чужбине продолжал держать свечу русской культуры зажженной, продолжал помогать тем, кто нуждался. К концу жизни совсем обеднел, умер вдали от дома, от родной земли. Детей не оставил, их у него не было, архив его погиб или исчез. С его смертью пресеклась младшая ветвь рода, одной из самых известных семей России. Книги его в библиотеках на родине из-за полного совпадения фамилии и инициалов оказались в каталогах под именем его более прославившегося родственника. Шесть десятилетий спустя могила его стала бесхозной, потому что ушли из жизни те, кто помнил его, она оказалась ненужной, и на этом участке захоронили других. Вот и весь сказ о человеке. Нет могилы, нет потомков, нет архивных страниц, нет следа его созидательного труда, словно его и вовсе не было на этой Земле...

Его звали граф Алексей Алексеевич Бобринской, был он сыном Алексея Бобринского и Софьи Шереметевой, внуком Василия Бобринского и Софии Соковниной, правнуком Алексея Бобринского и

Анны фон Унгерн, праправнуком Григория Орлова и Екатерины Второй. Пришел он в этот мир 21 декабря 1861 г. в Москве, ушел 4 декабря 1938 г. в Сиузи, итальянском Тироле.

Первый, кто публично вспомнил добрым словом Алексея Алексеевича Бобринского в России, был Санкт-петербургский этнограф Александр Михайлович Решетов, выступивший с докладом о нем: «Алексей Алексеевич Бобринский — российский этнограф и искусствовед»¹. О его жизни в иммиграции кратко написали в своей книге М. Талалай и Б. Марабини-Цёггелер². На страницах их книги был опубликован фотопортрет графа.

Конец XIX века. Российская империя расширила свою территорию на юге Средней Азии, присоединив Памир, и вплотную приблизилась к границам Британской Индии.

«Roof of the World» — «Крыша Мира»: так назвали Памир первые английские путешественники. Так образно и метко назвали они самое высокое плато на земном шаре, раскинутое на десятки километров, состоящее из нескольких частей. Эта территория, примыкающая к горным системам Гималая, Гиндукуша и Памира, к их хребтам, пикам и гигантским ледникам, всегда была притягательной для исследователей, а соперничество двух великих империй, ставшее основой для знаменитой «Большой игры», подогрело интерес к региону. Достойны восхищения все те, кто с целью научного освоения этого темного пятна на карте, для изучения этой земли предприняли трудные, опасные путешествия. Одним из таких отважных людей был А.А. Бобринский, московский этнограф и искусствовед, трижды побывавший в конце XIX и начале XX в. в Средней Азии.

Первая его поездка состоялась в 1895 г. Вместе с Николаем Васильевичем Богоявленским³, известным зоологом, профессором Московского университета, он отправился в Зарафшан. Об этом свидетельствует книга антрополога Н.Ю. Зографа⁴ «Череп из Макшевских пещер», изданная Бобринским в 1899 г. под общим названием «Зарафшанские горы и Верховье Аму-Дарьи. Поездка графа А.А. Бобринского и Н.В. Богоявленского, 1895 г.». Н.Ю. Зограф в предисловии к своему исследованию написал:

«Граф А.А. Бобринский и Н.В. Богоявленский передали мне для измерения и описания привезенные ими из поездки в русские Среднеазиатские владения и на Памиры, совершенной ими в 1895 году, несколько черепов... добытых ими совместно с капитаном Л.С. Барцевским⁵ из холодной Макшевской пещеры в 1895 г.»

Других публикаций по первой поездке ученых в Зарафшан я не обнаружил. Так же не удалось уточнить, что имел в виду профессор Н.Ю. Зограф, когда к Зарафшану прибавил Памиры, и каков был

маршрут путешественников в 1895 г. Мы мало знаем и о начальных мотивах организации первой экспедиции. О них, к сожалению, сам Бобринский в опубликованных работах почти ничего не написал. То, что нам сегодня, более века спустя, хотелось бы прочитать и узнать, было, по-видимому, неинтересно ученому. Ему казался неважным сам факт путешествия в Среднюю Азию, его подробности и трудности (а их было немало), которые пришлось ему и его спутникам преодолеть. Возможно, он записал об этом в своем дневнике, однако в опубликованных работах, в том числе в предисловиях к своим книгам, он не указал даже дат и маршрутов своих экспедиций. По результатам трех экспедиций проясняется цель — изучить регион и население, проживающее там. Бобринский видел сам процесс, а не себя в нем.

Следующая поездка состоялась в 1898 г. По рекомендации В.Ф. Миллера⁶, к двум опытным ученым присоединился молодой историк Александр Александрович Семенов⁷, студент Лазаревского института восточных языков.

Последняя поездка Бобринского состоялась в 1901 г. Он побывал в самых верховьях реки Пяндж, откуда берут воды ее притоки Гунд, Шохдара, Бартанг, где он познакомился с жизнью обитателей Шугнана и Рушана, а горцы Вахана и Ишкашима стали предметом его специального этнографического исследования. На титульном листе своей книги «Горцы верховьев Пянджа» он указывает, что «фототипические таблицы» изготовлены со снимков Н.В. Богоявленского. Это, безусловно, подтверждает участие известного ученого-зоолога в его последней экспедиции на Памир. Однако в опубликованных трудах самого Бобринского сведений об этой поездке, ее продолжительности и о его спутниках нет, да и Богоявленский не написал о ней. Вскоре после возвращения в Москву, в апреле 1902 г., он предпринял четырехмесячную поездку в арабские княжества Персидского залива для изучения фауны этого региона⁸; А.А. Семенов в последней экспедиции не участвовал.

Об экспедиции 1898 г. мы имеем полное представление благодаря путевым заметкам и статьям участников экспедиции. Характер этой экспедиции, условия пребывания и трудности при осуществлении ее задач дадут читателю представление и о двух других поездках. Поэтому остановимся подробнее на путевых заметках Н.В. Богоявленского и А.А. Семенова.

В 1898 г. они *«были командированы Императорским Московским Обществом Любителей естествознания, антропологии и этнографии. Пребывание названных лиц⁹ в тех местах продолжалось почти четыре месяца; за это время были посещены и исследованы более или менее обстоятельно: Зарафшанские горы, Каратегин, Дарваз и часть равнинной Бухары, пограничной с Афга-*

нистаном¹⁰». *«Разделение труда членов экспедиции было таково: гр. А.А. Бобринской взял на себя изучение внешнего быта, преимущественно его орнамента. А.А. Семенов поставил себе задачей изучение языка и фольклора народонаселения, на мне же лежало изучение горцев в антропологическом отношении, собиране зоологического материала, фотографирование, метеорологические и географические наблюдения»¹¹.*

Экспедицию снарядили в Самарканде, и в мае она тронулась в Панджакент. Дальнейший путь пролегал через перевал Фан Агба к озеру Исканадер-Жуль, через перевал Мур в Гиссарскую долину, *«Оби Гарм, по р. Сурхобу до кишлака Дехи-Гуломон — оттуда через перевал Яфуч в долину р. Хингоу, по которой экспедиция дошла до р. Ситарги и перевала того же имени, через который перешла 29 июня в долину р. Ванджа, по которой спустилась до впадения ее в Пяндж. По Пянджу экспедиция спустилась до Калаи Хумба, а оттуда через перевал Тальбар перешла до долины реки Яхсу, до Куляба¹²»*. Далее Кабадиан, Пата-Гиссар, оттуда на пароходе до Чарджуя, где путешественники пересели на поезд до Самарканда. За это время им пришлось преодолеть пять горных перевалов. Каждый раз надо было подниматься на вершину горы с одного склона и, перевалив через нее, спускаться по другому склону. Вершина горы и склоны были заснежены и покрыты ледяной коркой, на пути встречались многочисленные трещины. Это тяжелейший труд, если принять во внимание, что у них было много навьюченного груза, караван состоял из 13 человек и 15 лошадей.

Современные автодороги не совпадают с маршрутом экспедиции. Сегодня редкие альпинисты, туристы и местные пастухи знают про эти места. Приведу описание того, как экспедиция преодолевала первый перевал, который оказался непереходимо заснеженным, отчего проводники предложили особый способ переправы.

«Подъем — чем выше, тем он становился круче. Наконец, мы подошли к снегу. Снег внизу обледенел. Ехать на лошади становилось страшно утомительно: на каждом шагу лошадь спотыкалась, скользила и грозила упасть. Делать было нечего, пришлось слезть с лошадей, и так как пешком очень трудно подниматься в гору — все время скользишь и боишься скатиться вниз, то мы, по совету горцев, взяли за хвост лошади и, придерживаясь за него, стали подниматься. Выгода этого способа значительна: лошадь никогда в такие моменты не брыкает, подъем становится вдвое легче — лошадь вас все-таки поддерживает, да и опасность скатиться вниз и разбиться уменьшается вдвое. Так мы взбирались около часу. На верху перевала снег был гораздо рыхлее, и лошади уже стали проваливаться в него по грудь. Положение становилось все более и более трудным. Подниматься кверху стало невозможно. Тогда нас выру-

чил старый горец, Ошур, взявшийся нас переправить через этот перевал. Он велел достать все кошмы (кошмой называются большие войлоки из верблюжьей и овечьей шерсти), растелить их по снегу и переводить по ним лошадей. Перестилая постоянно кошмы, двигались мы еще около часу и, наконец, добрались до вершины перевала. Измерили его высоту, и оказалось, что мы были на уровне около 12 500 футов, т.е. приблизительно на 1 версту выше уровня Кулькалянской котловины. К несчастью, взошедшее солнце заволокло облаками, и поднялась снежная пурга. Спуск был несколько легче для нас, но труднее для лошадей и вьюков. Спускались мы поодиночке, проваливаясь по пояс в снег, задыхаясь от утомления, вьюки были переправляемы так: на кошмы были сложены все вещи и их пускали вниз прямо катиться. Но лошади доставили нам много горьких минут. Каждая лошадь переправлялась отдельно — впереди за повод ее держал горец, лошади проваливались по грудь в снег, горячились, хотели выбраться из снегу и вязли в нем еще более. Одна лошадь выскочила из снега, встала на обледенелый снег, но тотчас же поскользнулась, упала и быстро покатила по снегу вниз, увлекая за собой проводника. Так промчалась она вместе с проводником, который не упустил повода, несколько десятков сажень, и все время страшно было, что они разобьются о камни и скалы. Но в самый трагический момент, когда они уже насквали на торчащую скалу, лошадь стала сильно работать ногами, и так как снег всегда около скал рыхлее, то ей удалось снова завязнуть в нем и остановиться¹³».

Особенно трудным для исследователей стал перевал Ситарга, расположенный намного выше и более трудный для перехода, с громадной ледяной стеной на пути, да и остальные три перевала имели свои сложности.

В Вандже путешественники решили свернуть вверх по Пянджу и добраться до долины р. Язгулам, жители которой сохранили свой древний язык и самобытную культуру. Путь туда раньше пролегал через левый берег, он был более удобен и нетруден, однако афганцы полностью закрыли его для посторонних, после того как получили право на эту территорию согласно договору 1895 г. Новый путь по правому берегу шел высоко над уровнем реки по хрупкому горному карнизу. Все уговаривали путешественников не ходить по нему, однако «мы все-таки не решились отступить без попытки: слишком уже интересовала нас долина Язгулама. Решили оставить лошадей и весь багаж перенести на людей, распределив на каждого по 10 фунтов. Собрали около 100 человек и подошли к этой дороге. Но прежде решили посмотреть, что это за дорога. Оказалось, что действительно дорога ужасная. Представьте себе отвесную скалистую стену, и по ней тропинка переходит в ступеньки, более чем

на пол-аршина одна над другой. Идти тридцать верст такой дорогой, с потерей лошадей, с большим риском для людей и багажа нам показалось неудобным, и с горечью в сердце мы повернули назад и пошли по долине Пяндж вниз, к столице Дарваза, Калай-Хумбу¹⁴».

Дальнейший путь также часто шел по качающимся карнизам и деревянным балконам, зависавшими над пропастью или над бурлящей рекой Пяндж. Так они добрались до Калай-Хумба, потом до Куляба, а оттуда до Пата Хиссара, современного города Термеза. После холодных снежных перевалов их ждало жаркое лето.

«Солнце огнем жжет с высоты голубого безоблачного неба, растрескавшаяся почва дышит зноем, в раскаленном воздухе мелькают будто огненные искры. Селения совсем исчезли, на смену черноте юрты кочевых узбеков и киргизов племени “катаган”¹⁵».

На юге Вахшской долины А.А. Бобринский увидел развалины городов, напоминающие о когда-то развитой цивилизации. *«На месте бывшей когда-то культуры, с большими городами и сложившейся цивилизацией, теперь, после опустошительных войн и нашествий, только жалкие остатки напоминают здесь о прошлом»¹⁶*. А.А. Семенов об этом пишет более подробно в своих путевых заметках¹⁷. А.А. Бобринский и его спутники хотели остаться дольше, однако свирепствовавшая в этих местах малярия не позволила им задержаться. Большинство участников экспедиции страдали от припадков болотной лихорадки. Путешественники вернулись в Самарканд 14 августа 1898 г.

Они не попали в глубинные районы Памира, однако смогли за это время охватить значительную территорию современного Таджикистана и часть Узбекистана.

Интересно, что в путевых заметках А.А. Семенова и Н.В. Богоявленского только в самом начале перечислены имена участников экспедиции и больше ни слова не сказано о А.А. Бобринском: видимо, это была его просьба. Только в предисловии к одной из своих работ А.А. Семенов написал *«Глубоко благодарен Его Сиятельству, Графу Алексею Алексеевичу Бобринскому и очень тронут тем сердечным отношением, которое он всегда обнаруживал во время путешествия к своим спутникам, заставляя этим в пути забывать все невзгоды подчас тяжелых троп и перевалов»¹⁸*. Н.В. Богоявленский закончил свои заметки следующими словами: *«Путь наш был кончен, и теперь мы испытываем желание снова посетить те же места, <...> дополнить упущенное и изучить новое; снова пережить те картины грандиозной природы, которые пришлось видеть, снова испытать всю прелесть жизни на лоне природы, где человек предоставлен только самому себе, где природа, то грандиозная и бурная, то тихая и спокойная, заставляет трепетать человеческое сердце, забывать о человеческой неурядице и наслаждаться тем*

*вечно прекрасным, что лежит в не тронутой еще человеком перво-
данной природе»¹⁹.*

Эти строки были написаны Н.В. Богоявленским 1 января 1901 г., а несколько месяцев спустя он вновь присоединился к А.А. Бобринскому в его последней поездке на Памир.

Все трое написали и опубликовали несколько работ. Н.В. Богоявленский опубликовал в 1901 г. в журнале «Землеведение»²⁰ статью «В верховьях реки Аму Дарьи (Долины реки Хингоу и Ванджа)», А.А. Семенов написал серию статей. Их список будет приложен к данной работе. Каждая из них интересна по-своему, а все вместе они стали значительным вкладом в изучение Средней Азии. Достаточно сказать, что графа А.А. Бобринского за его книгу «Орнамент горных таджиков Дарваза» наградили золотой медалью Императорского археологического общества, а А.А. Семенов за свои труды «Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза» и «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии» был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете.

Все книги и брошюры, отражавшие работу экспедиции, были изданы на средства графа А.А. Бобринского, оформлены скромно, но со вкусом. Изданные книги хранились на складе, на улице Малой Никитской, 20, недалеко от его московского дома.

А.А. Бобринской в 1900 г. по свежим следам двух среднеазиатских экспедиций издал свой труд «Орнамент горных таджиков Дарваза»: книгу-альбом, или атлас, как ее назвал В.В. Стасов²¹, русский критик и искусствовед, большой знаток орнамента. 78-летний Стасов высоко оценил труд А.А. Бобринского и выступил в поддержку награждения его золотой медалью Императорского археологического Общества. Стасов подчеркнул, что самая важная часть из собранной А.А. Бобринским коллекции в Средней Азии — это дарвазские вышивки и вязанье, ранее совершенно неизвестные в Европе и в России и потому имеющие для российской науки чрезвычайное значение. Особенно он отметил родство русского орнамента с орнаментом иранских племен, о котором российской науке было известно лишь по архитектурным памятникам. Многочисленные вышитые и вязаные предметы, собранные графом А.А. Бобринским, и изданная им книга об орнаменте таджиков Дарваза «*богато восполняют существовавший до сих пор пробел и дают*» возможность дальнейшего изучения этого рода художественного народного творчества. Орнамент таджикский вместе с русским, по мнению В.В. Стасова, является богатым по характеру и форме и по своему разнообразию. «*Вот этот-то особенный, оригинальный стиль* [горных таджиков. — Д.Х.], *имеющий столько сходства и родства со стилем древ-*

нейших русских вышивок и вязаний, является теперь <...> новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения. Дело идет <...> о разнообразных элементах и коренных влияниях, действовавших в древнейшие времена на образование состава и физиономии древней культурной Руси». Стасов оценил книгу, назвав ее «превосходным атласом», считая «справедливым со стороны Императорского Археологического Общества присудить графу Бобринскому медаль этого общества»²².

В 1902 г. ученый опубликовал статью «Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии»²³. А в 1908 г. была издана его последняя и главная книга из среднеазиатского цикла, названная им «Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А. Бобринского».

Свою основную книгу «Горцы верховьев Пянджа» автор скромно представил как «путевые заметки». На первой странице под заглавием «Вместо предисловия» он написал: «Настоящие отрывочные заметки не предназначались для печати. Автор предполагал пополнить и развить их последующими поездками и более продолжительным пребыванием в крае. К своему сожалению, автору не удалось до сего времени осуществить своих предположений. Решил он напечатать свои заметки в столь несовершенном виде в надежде, что, быть может, все недосказанное и невыясненное возбудит любопытство и заставит лиц, интересующихся вопросами, задетыми заметками, заниматься исследованием этого интересного края.

С изучением края необходимо спешить, потому что всепоглощающая европейская культура начинает задевать его, а следовательно, и убивать в нем все самобытное, индивидуальное, характерное.

Бобринский, Август 1908»

Он планировал написать фундаментальную работу о таджиках верховьев Пянджа. Восемь лет ученый жил надеждой вернуться к истокам реки Пянджа, но этому не суждено было сбыться. Возможно, была и другая причина, почему ученый решил издать именно в это время свою книгу. В начале 1908 г., а точнее 27 февраля, М.С. Андреев²⁴ и А.А. Половцов²⁵ представили в Санкт-Петербурге на заседании Историко-филологического отделения свое исследование на аналогичную тему: «Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан». Я предполагаю, что А.А. Бобринский решил издать свою работу, понимая, что вряд ли он сможет вновь побывать на Памире, и желая, чтобы плодом его труда могли воспользоваться другие исследователи, в том числе вышеуказанные авторы²⁶.

А.А. Семенов написал рецензию²⁷ на его труд «Горцы верховьев Пянджа». Он дал высокую оценку книге ученого о малоизвестных

народах верховьев Амударьи, где «еще поныне сохранились обломки тех древнейших иранских и других народностей, след которых теперь безвозвратно исчез из других мест Западной и Средней Азии». Рецензент отмечает, что все XVII глав книги, описывающие страну и жизнь горцев, читаются с большим интересом. Он отмечает наличие в книге значительной информации из разных источников. «По пути автор в многочисленных сносках дает освещение различных нарицательных и собственных имен, относящихся до географии, истории, этнографии и религии страны, на основании многочисленных данных из западно-европейской и русской литератур, что делает книгу еще более ценной не только для чтения вообще, но и для знакомства с написанным на разных европейских языках об интересных горных странах Центральной Азии». Эти заметки «в весьма значительной степени могут служить читателю путеводной нитью в тех или иных его научных выводах. <...> Вдумчивый историк-ориенталист и филолог-иранист найдут, несомненно, немало материалов <...> для интересных размышлений о древних сторонах быта арийских племен». А.А. Семенов завершает свою рецензию пожеланием «этой прекрасной книге самого широкого распространения».

Две первые работы А.А. Бобринского являются завершенными в своем жанре, и вместе с тем они органически дополняют его основную книгу «Горцы верховьев Пянджа». На статье, посвященной памирским исмаилитам, я остановлюсь подробнее.

В 1901 г. граф А.А. Бобринской во время своей последней поездки на Памир, несмотря на ограниченное время пребывания там, провел огромную работу и наряду с этнографическим исследованием Вахана и Ишкашима проявил большой интерес к религии, которую исповедовали таджики этого высокогорного края. Год спустя он опубликовал большую статью «Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии»²⁸. К публикации статьи в качестве консультанта автор привлек профессора А.Е. Крымского²⁹. В начале статьи автор поместил свои слова благодарности к нему и во вводной части статьи написал: «В 1901 году, летом, мне удалось побывать в наших среднеазиатских владениях. Я посетил на вершине Пяндже бедные таджикские общества Вахана, Ишкашима, Горона, Шугнана и Рошана. Все они расположены по обоим берегам реки, между отрогами северного склона Гиндукуша и юго-западными склонами Памиров. При посещении этого порубежного с Афганистаном края я между прочим задался целью проверить на месте сведения, сообщаемые англичанами о распространении в данной местности секты Исмаиля. Расспрашивая жителей, я убедился, что английские сведения вполне правдивы и что, действительно, все население края в вышепоименованных пределах

принадлежит не к шиитскому толку, как у нас до сих пор предполагали, а к секте Исмаилья».

А.Е. Снесарев³⁰, который провел год на Памире, в июле 1904 г. отметил работу А.А. Бобринского следующим образом: *«Еще до последних дней в русском обществе существовало убеждение, что население западного Памира исповедует шиизм; мысль эта проводилась во всех русских работах о Памире, но в трудах англичан Лейтнера, Шоу и Бидделфа давно было сказано, что таджики не чистые шииты, а исмаилиты, т.е. нечто совершенно особенное. Два года тому назад графу А.А. Бобринскому удалось и в русской науке установить взгляд о принадлежности рассматриваемых горцев к исмаилизму, и граф напечатал об этой секте небольшую брошюру»³¹.*

А.А. Бобринского в его работе ограничивали ряд обстоятельств, прежде всего нехватка времени. Задачи, которые он поставил перед собой, требовали более длительного пребывания в горных селениях. Много времени уходило на передвижение из одного района в другой по трудным горным тропам. Кроме того, у ученого во время сбора полевых материалов возникли трудности с получением достоверной информации у населения. Поэтому он сузил первоначальную задачу.

«Короткое время, посвященное на поездку, и правила секты, предписывающие своим последователям <...> хранить тайну учения, <...> заставили меня поневоле ограничиться вопросами, на которые охотнее отвечали мои собеседники, а именно о географическом распространении и о внешней организации секты <...> Вследствие вышеприведенных обстоятельств читатель в настоящих записках не найдет новых данных ни по философии учения секты, ни по мировоззрению сектантов».

Были разные причины, которые сковывали таджикских исмаилитов, когда их расспрашивали об их вере и религиозных обычаях и традициях. Следует вспомнить, что это было время, когда представители Бухарского эмирата угнетали не только рядовых горцев, но и их духовных и светских лидеров³², в том числе и по религиозным мотивам. А до прихода русских войск в 1892 г. войска афганского эмира Абдурахманхана более десяти лет проявляли варварскую жестокость по отношению к местным жителям и, по сути, устроили геноцид над ними. А.Е. Снесарев объясняет неразговорчивость горцев их ментальностью, сформированной временем и обстоятельствами.

«Будучи робок по натуре, таджик под влиянием бедности, притеснений и поборов сложился в тип человека забитого и загнанного — коренного бедняка, который все глубже забирался в горы и оборонялся, <...> к горшему несчастью этого бедняка присоединилось

еще то обстоятельство, что он усвоил не общепринятую в Средней Азии религию, но исмаилитство»³³.

Ученый сконцентрировал свое внимание на встречах и беседах с религиозными лидерами одного региона — Шугнана, с пирами Саид Юсуф Али Шо, Саид Ахмад Шо и Саид Мурсал. *«Эти пиры, благодаря своему положению, позволяли себе быть откровеннее своих подчиненных. Проверая ответы одного ответами другого, я убедился, что они вполне правдиво отвечали на мои вопросы».* По ходу встреч и бесед, вопросов и ответов, уточнений деталей собеседники графа убеждались, что перед ними ученый, который достаточно много знает об их духовной культуре. Они *«убеждались из моих расспросов, что я вполне осведомлен о существовании секты в данной местности».* А.А. Бобринской был не только *«осведомлен о существовании секты».* Из короткой вводной части статьи и ссылок видно, что он очень тщательно подготовился к этой работе, изучил всю опубликованную европейскую литературу об исмаилизме в целом и о памирском в частности. Он был знаком с работами английских путешественников, разведчиков и европейских ученых, побывавших до него на Памире. Что касается работ на русском языке, то он прочитал не опубликованную еще в то время работу профессора А.Е. Крымского, наиболее авторитетного и знающего ученого в этой области. Однако при этом с присущей ему скромностью ученый заявляет о своей недостаточной компетентности. *«Не будучи достаточно знаком с предметом, я, конечно, не намерен представлять здесь всестороннего обзора секты — приводить ее историю и учение. Моя задача на многого скромнее: сообщить лицам, интересующимся вопросом, сырой материал о секте Исмаиля, собранный мною на месте ее распространения».*

Он характеризует пиров и их высокое положение в горных таджикских общинах. *«Пир является полным хозяином души и тела своего подчиненного; он полновластный руководитель сектанта в его духовной, семейной и гражданской жизни».* Все рядовые исмаилиты были членами паствы того или иного пира, при этом они распределялись не по территориальному принципу, не по месту проживания, а как бы по традиции сохраняли верность своему пиру, а после его смерти его наследнику. Так это и шло из поколения в поколение³⁴.

Автор статьи рекомендует список литературы желающим познакомиться с историей и учением исмаилизма, и кратко описывает причину появления секты, ее название и перечисляет основные этапы ее нелегкой истории. Он указывает страны, где имеются исмаилитские общины. Вводную часть он заканчивает словами: *«Желая возможно точнее передать мною собранные сведения, я их излагаю в виде отдельных разговоров с пирами, т.е. в том виде, в каком они*

были записаны мною на месте, ничего не изменяя в изложении и не приводя в систему собранный материал».

Каждый из трех собеседников графа рассказывал о своем происхождении, родословной, о других пирах и их предках. Пир Саид Юсуф Али Шо³⁵ перечисляет имена некоторых пиров, и среди них он назвал Саид Феридун Шо, пира Хазар, который жил в Кулябе. Вызывает интерес авторский комментарий в сносках: *«По поводу этого пира, имеющего для нас особо важное политическое значение, я хочу подчеркнуть, как вообще важно было бы всех пиров, живущих в наших пределах, расположить в пользу русского дела и заручиться их содействием. Авторитет пиров среди сектантов безграничен. Сектанты, подчиненные нашим пирам, разбросаны в четырех государствах. Хазара, боевое племя, живет в самом сердце Афганистана».* Ученый оказался провидцем, он предвидел возмужную вовлеченность в военно-политические процессы духовных лидеров исмаилитов-хазара³⁶. Собеседники ученого также довольно подробно сообщили о количестве своих последователей в различных регионах Афганистана, севера колониальной Индии, китайского Туркестана, горных селений Памиро-Гиндукуша. Пир управляет паствой через своих помощников — халифа, являющихся посредниками между ними и их муридами. Каждый из них также непременно рассказывает о пире Шо Насири Хосров, первом миссионере, проповедовавшем исмаилитское учение в верховьях реки Пяндж.

А.А. Бобринской подробно записывал основные базовые установления исмаилитов Памира, не давая им оценку с точки зрения философского или религиозно-нравственного критерия. Для ученого, который бережно открывал пласты русской духовной культуры, признаки родства с другой культурой, далекой и загадочной, имели особое значение и создавали ощущение личной сопричастности, узнавания и признания.

Приведу несколько фрагментов из высказываний исмаилитских священнослужителей.

Пир Саид Юсуф Али Шо рассказывает об исмаилитских имамах и о современном имаме Султон Мухаммед Шо Ага-Хане, о равенстве пиров и об их связях с имамом, с которым каждый из них носится непосредственно. Несмотря на то, что должность пира наследственная, необходимо еще согласие паствы: выбранное лицо подлежит утверждению со стороны имама Ага-Хана. Пир Саид Юсуф Али Шо рассказывает о переселении душ. *«После смерти человек остается жив своею душою, которая переходит в другое живое существо; от доброго человека в доброго же человека, от дурного человека душа переходит в какое-нибудь животное: в собаку, лягушку, змею, корову, осла, лошадь. Душа вечна, постоянно блуждает. <...> На мой*

вопрос: “Неужели душа никогда не найдет покоя?” — пир ответил: “Душа найдет покой, когда попадет в хорошего человека”».

Пир Саид Ахмед Шо³⁷, второй собеседник ученого, родился и жил в Мунджоне, оттуда перебрался в Читрал. Англичане под предлогом того, что у него слишком большая паства в других государствах, попросили его удалиться из своих пределов. Он уже второй год как перебрался в Шахдару, однако его семья добралась только что «*кружным путем, через Каракорум, афганцы не пустили их через свои владения*».

Интересен рассказ пира о миссионерской деятельности Саид Шо Носир (Насири Хосров) здесь, в горах, в XI в. «*Когда Шо Носир пришел в горы, то застал здесь людей разной веры. <...> Среди них начал он проповедь свою очень осторожно; ничего не отвергал из их учений, ничего не отрицал: ни молитв, ни постов, ни праздников, ни рая, ни ада. Говорил он о Боге, о добродетели, об уважении к старцам. Более близким своим ученикам понемногу открывал истинное учение секты. Признавая молитву, он пояснял, что истинная молитва заключается в том, чтобы хорошо говорить, говорить чистое, помнить всегда Бога и хорошо во всем поступать*³⁸. Не отвергая праздников, говорил, что истинный праздник для последователей секты — посещение своего наставника, пира, беседы с ним, хороший поступок, совершенный человеком. Не отказываясь от постов, говорил, что Бог требует не воздержания желудка, а воздержания нравственного, что и есть истинный пост. Не отрицая рай и ада, он говорил, что они обретаются не где-нибудь на небе, а находятся здесь, на земле, в душе каждого человека, у кого рай, у кого ад, от человека зависит — иметь в душе то или другое. После смерти Шо Носира ученики его продолжали начатое им дело. Проповедники действовали крайне осторожно. Присоединение к секте горного народонаселения происходило без насилия и очень медленно, в продолжение многих и многих десятков лет».

Пир Саид Мурсал³⁹ по поводу переселения душ сообщил ученому некоторые подробности: «*В одном роду одна душа. Душа отца переходит к сыновьям, причем пир пояснил образно, как понять переход одной души, отца, к нескольким сыновьям. В доме (хона) горит несколько огней, в очаге большой огонь, в светильниках (чирози) малые, но как в очаге, так и в светильниках светится одно и то же пламя, происходящее от одного и того же огня. Вообще, душа постоянно блуждает. При смерти душа переходит в землю, из земли в траву, из травы в животное, из животного опять в человека. <...>*

Люди должны быть как братья, друг друга не обижать. Важно быть добрым, честным. Обряды: посты, молитвы, праздники — не важны. <...> Вор, который будет поститься и вместе с тем продолжать свое ремесло, поступает одинаково скверно, как и вор,

промышляющий тем же, но без поста. Одинаково дурно поступает человек, который, с одной стороны, грешит, с другой — молится, надеясь без раскаянья, одной молитвой, отмолить грехи».

Как в других своих работах, ученый не дистанцируется от потока увиденной им жизни в горах. Он не беспристрастный исследователь, а человек, который удивительным образом, благодаря своим знаниям и пронзительной интуиции за короткий период вошел в мир людей, тысячелетиями, поколение за поколением, ведущих жизнь в ущельях, окруженных горами, практически изолированных от всего остального мира. Последняя страница брошюры А.А. Бобринского пронизана уважением и симпатией к тем, среди кого он провел часть своей жизни, чье бытие стало объектом его научного исследования. В ней ясно отражена его позиция как ученого и гуманиста. В то же время в этих строках отчетливо видна позиция русского аристократа, озабоченного интересами российской государственности и желающего состыковать интересы державы и простых обездоленных людей, просящих ее покровительства и защиты. В этом смысле интересна заключительная часть статьи А.А. Бобринского.

«Относительно сектантов я должен сказать, что они произвели на моих спутников и на меня вполне благоприятное впечатление. Строгая нравственная дисциплина, к которой пиры в продолжение долгого времени приучали своих подчиненных, выработала в них известную выдержку и сдержанность в общении с людьми. Между собою они держатся с достоинством и с самоуважением. К старшим относятся с почтением, но без унижения.

Характер горца покойный, мягкий; он с любовью относится к своей секте и к своим пирам, привязан к своему гнезду, не любит передвиженья, отхожим промыслом занимается редко и неохотно. На переселенье горец решается только под гнетом крайне тяжелых обстоятельств.

Желание, которое нам не раз высказывали горцы, — выучиться русскому языку, просьба добыть им учебник русского языка, наконец, поступок одного волостного, отдавшего своего сына в обучение к солдатам в казармы, — все это такие явления, которые ярко свидетельствуют о стремлении горцев сблизиться с русскими. Отсутствие фанатизма в общении с христианами указывает нам, какую благодатную почву представляют сектанты для насаждения среди них русской культуры, как легко выработать из них преданных нам друзей и тем самым создать на далекой окраине, на рубеже трех государств, верный и надежный оплот против врагов русского владычества в Азии.

Благорасположение горцев к русским не должно нас удивлять; они рассчитывают найти в русских покровителей своей секты и опору в своей глухой, но упорной и постоянной борьбе.

Сектанты прекрасно знают, что глава их секты в Бомбее официально признается таковым английским правительством. Это обстоятельство пиры не раз подчеркивали в разговорах с нами.

Почему бы нам не подать сектантам руку помощи и не высвободить секту из-под спуда, в котором она теперь обретаётся? Почему не признать официально ее существования и в таком случае, конечно, оградить ее от гнета официального суннизма Бухарцев?

В заключение не могу не высказать моего мнения по поводу наших отношений к мусульманству в Средней Азии. В настоящее время мы покровительствуем только одним суннитам, игнорируя не только мелкие секты (Исмаилья, Бабидов), но даже шиизм, как будто наша цель — объединение мусульманства и поглощение всех его разветвлений суннизмом, что, как мне кажется, не вполне совпадает с нашими интересами. Я же думаю, что наш прямой политический расчет — признавать за всеми расщеплениями мусульманства право на официальную и самостоятельную жизнь и, как следствие этого признания, считать обязательным для нас охрану этого права, данного для всех, от посягательств на него со стороны более сильного и боевого исповедания.

8 февраля 1902 г. Бобрники».

Вскоре после публикации статьи было выпущено отдельное издание, под тем же названием. В двух номерах журнала «Исторический вестник» появились сообщения об изданной брошюре с изложением основных положений статьи А.А. Бобринского⁴⁰. Авторы аннотации к статье особенно подчеркивали финальные обобщения автора. Краткое изложение этой работы было опубликовано академиком В.В. Бартольдом⁴¹ на немецком языке в Германии в 1903 г.

А.А. Семенов в 1912 г., десять лет спустя после издания статьи А.А. Бобринского встретил в Ташкенте⁴² таджиков из Шугнана и, общаясь с ними, продолжил тему, начатую А.А. Бобринским, подготовил статью об исмаилизме⁴³. В предисловии к ней он выразил сожаление, что ему не пришлось побывать на Памире, что он не видел пиров и не имел возможности напрямую беседовать с ними: тогда многое в подготовленной им статье «*могло бы получить другое освещение*». Семенов оценил статью о памирских исмаилитах А.А. Бобринского как «*единственную в своем роде*». Роль пиров в среде исмаилитских общин, биографические сведения о них и указания на места распространения этой секты изложены А.А. Бобринским, побывавшим в Шугнана летом 1901 г., с «*большой полнотою, а приведенная им европейская библиография по исмаилизму вообще делает эту статью весьма ценным пособием для изучения среднеазиатского исмаилизма*», — писал А.А. Семенов.

То, что автор прибег к прямой передаче полученных от пиров сведений, сделало эту работу бесценной, научный труд стал докумен-

том. Автор как бы зафиксировал мир религиозных воззрений во времени и пространстве, без прикрас, не добавляя и не убавляя, передал в том виде, в каком застал. Оказалось, что на протяжении столет статья А.А. Бобринского осталась главным и самым надежным источником при изучении религиозного мира таджиков верховьев Пянджа. На этот труд ссылаются практически все, кто в той или иной степени занимался духовной культурой таджиков.

Опубликованная статья стала катализатором для новых исследований и примером для других. А.Е. Снесарев, будучи в течение года начальником Памирского отряда, опубликовал в 1902 г.⁴⁴ серию очерков в газете «Туркестанские ведомости», а в 1908 г. выступил с докладом «Религия и обычаи горцев Западного Памира» на конгрессе востоковедов в Копенгагене. А.А. Семенов, участник экспедиции графа А.А. Бобринского, опубликовал в 1912 г. статью «Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов», а в последующие годы написал еще 13 статей об исмаилизме. Барон А.А. Черкасов⁴⁵ по специальному заданию Российского политического агента в Бухаре был направлен осенью 1904 г. на Памир в том числе для сбора информации об исмаилизме (учение, структура, о связях с имамом Ага Ханом), а также о религиозных лидерах, их лояльности российским властям. Барон А.А. Черкасов встретился со всеми пирами Шугнана, Рушана и Вахана, в том числе с собеседниками графа А.А. Бобринского. Его служебный отчет⁴⁶ подтвердил основные положения статьи А.А. Бобринского. Барон А.А. Черкасов не только разделил точку зрения, высказанную А.А. Бобринским в заключительной части статьи, но, будучи наделенным мандатом дипломатического чиновника, встал на защиту пира Сайда Юсуф Али Шо от расправы над ним со стороны эмирских представителей.

Современные таджикские исмаилиты, наследники мира, описанного в статье, после семидесятилетней эпохи атеизма ищут в этой статье опору, которая помогла бы им возродить утерянные традиции и обычаи своей духовной культуры. Работа А.А. Бобринского уникальна тем, что это первое русское исследование духовной культуры таджиков Памира.

В 1871 г. А.П. Федченко⁴⁷ первым из русских ученых вышел на Алайскую долину и был на пороге Памира. И только 30 лет спустя в горах Памира появился ученый-этнограф, объектом интереса которого стали сами люди, их нелегкая жизнь от рождения до смерти. А.А. Семенов писал о «Горцах верховьев Пянджа», что книга во многом «выигрывает от того, что проникнута теплым отношением автора к описываемой им народности, горцам-таджикам, волею судьбы и разнообразных исторических перипетий занесенных в эти суровые страны с заболоченными высями и ослепительным на них сиянием вечных снегов и льдов»⁴⁸. Это очень точное замеча-

ние — все книги А.А. Бобринского пронизаны не только добрым, но и уважительным отношением к народу, живущему в горах Памира. В его тексте нет ни одного слова или выражения, которое могло бы задеть человеческое достоинство. Он видит людей, сохранивших, несмотря на очень тяжелую жизнь, истоки своей древней культуры, тружеников, вся жизнь которых заключена в борьбе с суровой природой за выживание, крестьян, выращивающих хлеб на крохотных каменистых участках. И, наконец, он видит в них далекие отголоски культуры своего этноса.

«Здесь, в горах, в беседах с горцами заметил я, насколько у них, у людей, живущих в своей родной, человеческой обстановке, сильно и тонко развиты чувства, насколько быстро и хорошо понимают своим субъективным живым рассудком человека и его душевный склад, насколько чутко схватывают малейшие изменения, все переливы его душевного настроения. <...>

Замкнутая жизнь по отдельным долинам и ущельям, зимою же часто по отдельным кишлакам, тесно привязала горца к родным местам, развила в нем горячую любовь к своим горам, к родному кишлаку, к семье; горцы особенно нежные отцы. <...> Эта замкнутость дала возможность горцам сохранить до последнего времени свою индивидуальность, свою самобытность и заставила их дорожить всем своим достоянием прошлого: преданиями, обычаями, нравами.

Насколько горцы сохранили чувство самоуважения, мы испытали на самих себе; за время нашего трехкратного посещения гор мы не zapomнили ни одного случая кражи, не zapomнили, чтобы кто-либо из горцев обращался к нам за милостыней; нам ни разу не пришлось видеть не только драки, побоев, но вообще какого бы то ни было грубого обращения среди горцев. В сношениях между собою горцы вежливы, при встречах, например, они здороваются, подавая друг другу руки, причем, не разжимая руки, преподносят чужую к своим губам, целуя или делая вид, что целуют ее. С почтением относятся они к старшим; опратно и с соблюдением известного чина сидят за едою. Повадки и все движения горцев изящны, ничего хамского, ничего пошлого. Все это признаки древних рас, прошедших через многие века самобытных культур⁴⁹».

Я впервые читал книги графа А.А. Бобринского о Памире в начале 1960-х, в студенческие годы, в «Ленинке» — главной библиотеке страны. Книги в каталогах значились под именем Алексея Александровича Бобринского, который приходится Алексею Алексеевичу троюродным братом. Алексей Александрович Бобринской⁵⁰, под именем которого оказались в каталогах и библиографиях книги Алексея Алексеевича, имел схожую с ним судьбу — за одним

счастливым исключением, что у него, слава Богу, остались потомки. Он был известным археологом и замечательным человеком, а в плане общественно-политическом даже более известным из рода Бобринских своего времени, начала XX в.

Таким образом, долгие годы я был уверен, что археолог А.А. Бобринской и этнограф Бобринской — это одно и то же лицо. Видимо, и другие читатели, которые пользовались этой картотекой, думали так же. В книге об академике Семенове сказано: «*Возглавлял экспедицию известный археолог и этнограф Бобринский*», а на интернетовском сайте российского посольства в Таджикистане отмечено, что А.А. Семенов «*участвовал в экспедиции русского археолога и лингвиста А.А. Бобринского*».

Вскоре после окончания института кинематографии я хотел снять документальный фильм о первых русских ученых, осваивавших Таджикистан, и прежде всего об экспедиции графа А.А. Бобринского. Многие годы я искал его потомков, родственников, и в 1968 г. встретился с Н.Н. Бобринским⁵¹ в библиотеке Московского университета. Я объяснил мотивы своего интереса к Алексею *Александровичу*. В начале нашей встречи Николай Николаевич был несколько насторожен, но когда узнал предмет моего интереса и что речь идет о кино, то очень обрадовался, сообщил, что потомки графа находятся во Франции, и обещал помочь, в том числе предоставить фотографии из своего семейного архива для съемок фильма. Четверть века спустя, в 1993 г. в Париже, в храме Святого Александра Невского состоялась моя встреча с отцом Борисом, внуком Алексея Александровича. Я ему стал рассказывать про экспедиции его деда в Среднюю Азию и про написанные им книги. Отец Борис пожимал плечами и, недоуменно глядя на меня, сказал, что он ничего про это не знает. Я же подумал, что внук, родившийся во Франции, мало знает о своем деде. Три года назад в другой библиотеке я взял брошюру «Секта Исмаилья...» и впервые обратил внимание, что на титульном листе указан *Гс. А-ей А-еевичъ Бобринской*. Я, увидев **А-еевичъ**, понял, что ошибался долгие годы и что надо искать другого Бобринского; поиски привели меня к А.М. Решетову, который любезно прислал мне свою статью об Алексее Алексеевиче Бобринском. Позвонил я и отцу Борису, извинился, что невольно ввел его в заблуждение.

На днях я снова посмотрел те же карточки в той же главной, теперь уже Российской государственной библиотеке. Оказывается, на карточках изначально было напечатано имя Алексея Алексеевича, но где-то на зигзагах нашей относительно недавней истории кто-то из сотрудников старательно стер **еевича** и так же аккуратно сверху надписал **андровича**. Так был стерт последний след деятельности графа с лица его родной земли. Я не думаю, что работник библиоте-

ки сделал это из злого умысла, скорее он или она решили, что при изготовлении карточек произошла ошибка. Во всяком случае, так хочется думать, тем более что в 12-м номере журнала «Исторический вестник» за 1902 г. в указателе статей, опубликованных в 1902-м, совершена та же ошибка: автором брошюры «Секта Исмаилья...» назван археолог Бобринской.

И наконец, я прочел в Интернете статью В.Л. Мельникова под названием «Н.К. Рерих и Санкт-Петербургская палеонтологическая школа»⁵², где в очередной раз этнограф и археолог представлены как одно лицо. Но это уже не важно... Важно то, что автор статьи приводит слова Рериха: «28 октября 1916 г., в “Биржевых Ведомостях”, Рерих опубликовал восхищенную рецензию-отклик на издание графа А.А. Бобринского “Резной камень в России”⁵³, где, в частности, писал: “Знаю, что резной камень (так же, как и прежние выпуски дерева⁵⁴) обратит на себя серьезное внимание наших западных друзей. Никогда не встречал я гр. Бобринского, но хочется сказать ему спасибо за прекрасную мысль давать в большом формате листы. Не убивая чрезмерным текстом возможности показать красоту в полном обличье и в частях, интересно ограниченных. Такие изображения надо широко разбросать и в школах, и в толпе».

Светлое имя графа Алексея Алексеевича Бобринского медленно, но верно возвращается в Россию. Совершенные им бескорыстные добрые дела высветят его имя, имя действительно известного этнографа, настоящего ценителя народного искусства и патриота русской культуры. Очень хочется, чтобы слова Николая Рериха «Такие изображения надо широко разбросать и в школах, и в толпе» реализовались, чтобы преданная забвению душа Его Сиятельства графа Алексея Алексеевича Бобринского возвратилась будущим поколениям, как русским, так и таджикам, которым он отдал, не жалея сил и средств, часть своей жизни и любви.

1. Решетов А.М. Алексей Алексеевич Бобринский — российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб. 2001. С. 164–166.

2. Талалай М., Марабини-Цёггелер Б. Русская колония в Мерано. Болцано, 1997. С. 106–108.

3. Николай Васильевич Богоявленский (1870–1930), ученый-зоолог, профессор Московского университета, подготовил учебник по курсу зоологии и биологии для студентов медицинского и зоотехнического институтов. Он также известен и как редактор Большой советской энциклопедии, для которой им было написано много статей. Подробнее о нем см.: Горячкин Г.В., Кислова М.А. Поездка Н.В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902. М., 1999.

4. Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) — русский естествоиспытатель, зоолог, антрополог, профессор Московского университета.

5. Барцевский Лев Семенович (1949–1910) — полковник, военный востоковед, прослужил в Туркестане почти четверть века, был хорошим фотографом.

6. Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) — российский фольклорист, языковед, этнограф, археолог. Профессор Московского университета, академик Петербургской АН с 1911 г. С 1897 по 1911 гг. возглавлял Лазаревский институт восточных языков.

7. Семенов Александр Александрович (1873–1958) — историк-востоковед, этнограф, филолог, религиовед. Родился в селе Польное Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Таджикистана, директор института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Был репрессирован, находился в заключении с 1931 по 1934 г. Подробнее о нем см.: Акрамов Н.М., Литвинский Б.А. Александр Александрович Семенов. М., 1971.

8. Горячкин Г.В., Кислова М.А. Поездка Н.В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902. М. 1999.

9. Граф А.А. Бобринской, Н.В. Богоявленский и А.А. Семенов.

10. Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества. М., 1900. Ч. 1. С. 1.

11. Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарья (Долины р. Хингоу и Ванджа) // Землеведение. 1901, кн. 1–2. С. 1–2.

12. Там же. С. 1.

13. Там же. С. 4–5.

14. Там же. С. 23.

15. Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. (Путевые очерки 1898 года). 2 часть // Исторический вестник. LXXXVIII. С. 98.

16. Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарья... С. 25.

17. Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана... С. 113–115.

18. Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков... С. 4.

19. Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарья... С. 26.

20. «Землеведение» — периодическое издание Географического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Выходило в 1894–1917 годах под ред. проф. Д.Н. Анучина в Москве, по четыре выпуска в год.

21. Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, библиограф. Почетный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Его книга «Славянский и восточный орнамент по рукописям от IV до XIX века» (СПб., 1887) — результат тридцатилетних исследований в главных библиотеках и музеях всей Европы.

22. Стасов В.В. Отзыв о книге А.А. Бобринского. Орнамент горных таджиков Дарваза. // ЗВОРАО. 1902. Т. 14. Вып. 1.

23. Этнографическое обозрение. 1902. Кн. 53, № 2.

24. Андреев Михаил Степанович (1873–1948) — иранист-этнограф, лингвист-диалектолог. Чл.-корр. АН СССР, академик АН УзбССР. Подробнее о нем см.: Акрамов Н.М, Акрамова Н.М. Востоковед М.С. Андреев. Душанбе, 1973.

25. Половцов Александр Александрович (1867–1944) — служил в Ташкенте в качестве дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе. В 1903 г. активно участвовал в разбирательстве конфликтной ситуации между бухарскими чиновниками и местным населением на Памире. С октября 1916 г. по апрель 1917 г. Половцов — товарищ министра иностранных дел. Подробнее о нем см.: Решетов А.М. А.А. Половцов — дипломат, этнограф и музеевед // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения. 2000–2001 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 147–152.

26. Андреев М.С., Половцов А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан. СПб., 1911.

27. Этнографическое обозрение. М. 1909. № 1. С. 99–101.

28. Одновременно статья была издана в виде брошюры в 1902 г. в Москве.

29. Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) — востоковед, арабист, иранист, тюрколог, поэт, переводчик. В 1898–1918 годах — профессор ЛИВЯ по кафедре арабского языка и истории мусульманского Востока. Сотрудник, автор и редактор статей по Ближнему и Среднему Востоку издательства «Энциклопедия Брокгауз и Ефрон». Автор более 500 работ, посвященных истории, литературе и культуре стран Востока. Был репрессирован, арестован 20 июля 1941 г. Умер 25 января 1942 г. в больнице при тюрьме НКВД № 7 в Кустанае. Реабилитирован в 1957 г.

30. Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1934) — военный теоретик, генерал-лейтенант русской армии и советский командарм, ученый-востоковед. В 1902–1903 годах — начальник Памирского отряда, в 1919–1921 годах — начальник Академии Генштаба. Участвовал в создании Института востоковедения, в 1921–1930 годах — его ректор и профессор, руководитель Восточного отделения Военной академии РККА (с 1921 г.). Был репрессирован, арестован 27 января 1930 г., приговорен к расстрелу, замененному 10 годами исправительно-трудовых лагерей. Освобожден в 1934 г., вскоре (4 декабря 1934 г.) умер.

31. Туркестанские ведомости. 1904. № 90. С. 412.

32. Донесение коллежского асессора А. Черкасова российскому императорскому политическому агенту в Бухаре. 09.08.1904 г. Текст воспроизведен по изданию: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М., 1975.

33. Туркестанские ведомости. 1904. № 90. С. 412.

34. Дьяков Алексей Михайлович (1896–1974) — историк, индолог, профессор. В 1920–1922 годах служил военврачом на Памире, оставил в своих воспоминаниях запись: «Религиозная власть местных духовных руководителей — ишанов — носила скорее не духовный, а феодальный характер. Каждый исмаилит по наследству являлся мюридом (учеником) какого-либо ишана» (Журнал «Пограничник». 1997. № 11).

35. Пир Саид Юсуф Али Шо был последовательным сторонником присоединения Памира к России. Был репрессирован, в 1931 г. арестован и в уничижительной форме конвоирован для отправки за пределы Памира, по дороге покончил жизнь самоубийством. Двое его сыновей также были репрессированы и пропали без вести.

36. Пир Саид Феридун Шо умер задолго до 1917 г., его сын Саид Темур Шо, унаследовавший его сан, попытался в 1921 г. вовлечь некоторых пиров в антисоветскую деятельность. Во время войны в Афганистане (1980–1989)

военные формирования хазарейских исмаилитов принимали активное участие в гражданской войне.

37. Саид Ахмед Шо за свои пророссийские настроения был вынужден в 1900 г. покинуть контролируемый англичанами Читрал. Он перебрался в российскую часть Памира, в кишлак Тавдем долины реки Шохдара, умер в 1910 г. Его сын Ходжа Бадал, также настроенный против англичан, унаследовал сан отца, был репрессирован советскими органами в начале 1930-х годов, погиб.

38. Сравните с зороастрийской формулой «благие мысли, благие слова, благие действия».

39. Пир Саид Мурсал умер в 1920-е годы.

40. Исторический вестник. 1902. Т. 90. № 12 (автор одной заметки А. Хаканов); 1902. Т. 98. № 7 (другой автор указал только свои инициалы: Л.М.).

41. Решетов А.М. Алексей Алексеевич Бобринский... С. 164–166.

42. А.А. Семенов находился в эти годы на дипломатической службе при Туркестанском генерал-губернаторе.

43. Семенов А.А. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов // Мир Ислама. 1912. Т. 1, кн. 4. С. 525–526.

44. Туркестанские ведомости. 1902. Июнь-июль.

45. Черкасов А.А., барон — русский дипломат, в 1904–1906 годах — секретарь Российского политического агентства в Бухаре, позже российский вице-консул в Сеистане.

46. Отчет секретаря Российского политического агентства в Бухаре А. Черкасова о командировке в Припамирские бекства Бухарского ханства в 1904 г. Текст воспроизведен по изданию: Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М., 1975.

47. Федченко Алексей Павлович (1844–1873) — естествоиспытатель. Путешествуя по Средней Азии (1868–1871), собрал материал по ее флоре, фауне, физической географии и этнографии. Оставил труды по паразитологии и энтомологии. Открыл Заалайский хребет. Погиб на Монблане.

48. Этнографическое обозрение. М., 1909. № 1. С. 99–101.

49. Из книги графа А.А. Бобринского «Горцы Верховьев Пянджа». М, 1908.

50. Об археологе графе А.А. Бобринском писал И.Л. Тихонов. См: Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринский // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПбГУ, 2003. С. 95–117; Бобринской А.А. Граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927). Сын об отце / Подг. к публикации, пред. и прим. И.Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4. С. 479–532; Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог. Граф А.А. Бобринский // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 72–88.

51. Николай Николаевич Бобринский, граф (1927–2000) — окончил географ. ф-т МГУ, много лет был геологом. С началом перестройки становится одним из основателей Российского дворянского собрания. Автор романа «Сын императрицы» о родоначальнике графов Бобринских — Алексее Григорьевиче (Москва. 1993. № 8–9). Его отец Николай Алексеевич Бобринский (1890–1964), ученый-зоолог, преподавал зоологию позвоночных в МГУ, профессор (с 1934 г.), автор многих книг и учебников по зоологии. На фронтах Первой мировой войны проявил себя героем, заслужил два солдатских

«География» и был произведен в офицеры, награжден Золотым Георгиевским оружием и дослужился до ротмистра.

52. В статье сказано, что председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской (1852–1927) помогал Рериху в его археологических исследованиях в России.

53 Бобринской А.А. Резной камень в России. М., 1916. Вып. 1.

54. Бобринской А.А. «Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего хозяйства и отчасти церковного обихода». М., 1911–1913.

Список опубликованных трудов участников экспедиций
графа А.А. Бобринского

Граф А.А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза (нагорная Бухара). М., 1900.

Граф А.А. Бобринской. Секта Исмаиля в русских и бухарских пределах Средней Азии. М., 1902.

Граф А.А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

Богоявленский Н.В. В верховьях р. Аму-Дарьи. 1903.

Богоявленский Н.В. Горцы верховьев Аму-Дарьи, антропологический очерк, X фот. М., 1909.

Зограф Н.Ю. Черепа из Макшеватских пещер. М., 1899.

Семенов. А.А. Отношение к детям у горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. Кн. 42, № 3.

Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. М., 1899. Т. 47, № 4, VL–VI 6/1 18/4 P1/177.

Семенов А.А. На рубеже Афганистана. В благодатном Хиссаре (Путевые очерки) // Исторический вестник. М., 1900. LXXXVII. С. 961–992.

Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана (Путевые очерки 1898 года). Вторая часть // Исторический вестник. М., 1901. LXXXVIII. С. 98–122.

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества. М., 1900.

Семенов А.А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Памятники народного творчества и словарь. М., 1901.

Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.

Ю. Янхунен

ФИНСКИЕ КОНТАКТЫ ПЕТЕРА ШМИДТА

Жизнь и академическая карьера Петера Шмидта распадаются на два четко обозначенных периода. Первый период был связан с его деятельностью в Российской империи, особенно во Владивостоке, где он, хотя и публиковал свои труды главным образом на русском языке, уже получил международное признание и как китаист, и как маньчжуровед. Поэтому не без основания его дости-